

роны. Естественно, каждая сторона конфликта претендует на безусловное подавление остальных, так что у всех возникают закономерные вопросы: «По какому праву другая сторона претендует на значимость своих интересов и убеждений?»; «Чем мы их хуже?». Появляется превосходная причина для новых неразрешимых конфликтов, тем более что споры по поводу «кто лучше, а кто хуже» совершенно исключают саму возможность толерантности.

Поэтому прежде чем ставить проблему достижения толерантности, следует задаться вопросом: «Всегда ли толерантность вообще достижима?».

Этот и вышезаданные вопросы кажутся парадоксальными, и это хороший признак; будет хуже, если они станут более актуальными, чем сам вопрос о толерантности, рассуждения о котором в наше время кажутся мне равносильными рассуждениям о преимуществах мира во время войны, здоровья во время болезни, т. е. правильными, но, к сожалению, слишком риторически-бесполезными, т. к. тех, к кому они относятся, они не задевают. Для людей, которым не важна и их собственная жизнь, тем более не будет важным достижение толерантности. Это ничего не значило бы, если бы от тех, кто равнодушен не то что к толерантности, но и к собственной жизни, не зависела бы жизнь остальных.

Мои соображения насчет толерантности могут показаться пессимистическими и провокационными, но таковой становится любая мысль, доведенная до конца. Обольщение же, более того — самообольщение в вопросе о толерантности, — худший враг самой толерантности.

О. Б. Ионайтис
Екатеринбург

НЕСТЯЖАТЕЛИ И ИОСИФЛЯНЕ: ВОПРОС О МИРЕ, СВОБОДЕ И ПРАВЕ НАКАЗЫВАТЬ

Спор нестяжателей и иосифлян — тема известная для историка средневековой отечественной культуры и философской мысли. Партия Нила Сорского и партия Иосифа

Волоцкого уже давно стали символами свободы человека и государственного закрепощения соответственно. Тот факт, что первые проиграли, объясняется часто тем, что в столкновении смысложизненных ценностей и силы выиграла сила.

Но так ли это? И что это был за спор? Что нам, переживающим потрясения XX и XXI вв., этот спор может показать?

XVI столетие было эпохой величайшего государственного торжества на Руси, что в глазах идеологов приближало ее к выполнению своей официальной исторической миссии: стать новым Римом. Для этого осталось совсем не много: «Стоглав», «Домострой», «Степенная книга» упразднят культурные различия в государстве; «Четьи-Минеи» соберут всю литературу, расположат в определенной последовательности. Сама история вот-вот закончится, так как в мире, полном политической и культурной упорядоченности, не останется места для событий, случайностей, отклонений.

Из произведений строится полная и строгая концепция «Святой Руси»: «Стоглав» крепит единство и устойчивость церкви, «Домострой» вводит быт в регламентированные и идеализированные формы, «Степенная книга» и «Лицевой летописный свод» создают выстроенную концепцию русской истории, которая находит свое внутреннее выражение в «Легенде о Белом Клобуке» — знаке незапятнанного ересями православия, который удостоиваются носить наследники Первого Рима и Царьграда. Сами тексты покоряют своим масштабом. Например, «Великие Четьи-Минеи» — это собрание более чем двух тысяч произведений переводной и оригинальной литературы. Их составителями были митрополит Макарий и ряд других видных деятелей времени (Зиновий Отенский, Василий Тучков, Ермолай-Еразм), текст создавался почти четверть столетия.

Во всем царит идея единства и стройности, идея «чина». Предполагается единый быт всех слоев общества, единый круг чтения для всех, единое законодательство, единое мировоззрение. Это приводит к увеличению внимания, к значительности всего того, что свершается в этом мире. Земное стало важным как содержащее в себе вечное, божественную волю. Обряд для XVI в. — это больше, чем религиозное сознание, это восприятие мира. Упорядоченность

быта оказалась почти обрядовой, даже приготовление пищи — почти церковным таинством, послушание — почти монастырским, любовь к родному дому — настоящее религиозное служение (на понятие «дом» переносится часто другое — «рай»). Нарушение домашнего обряда — почти церковный грех.

И вот на этом фоне вдруг (а возможно, что именно при подобных обстоятельствах такое только и бывает) возникает острое ощущение боли человеческого существования, боли от пут мира, сковывающего устремленность духа к высшим пределам. И на этом фоне, на котором нет средних оценок и оттенков, а есть только «белое» и «черное», возникает проблема личности и государства (важно уточнить — священного государства), человека и окружающего его мира.

Примером тому может служить Максим Грек, который, приехав на Русь, внес большой вклад в развитие философии многочисленными переводами, просветительской деятельностью, своими собственными сочинениями, которые пользовались большой популярностью.

«Послание к Константину» Максима Грека непосредственно посвящено указанным вопросам. Как и Григорий Нисский, Максим Грек отмечает, что «многими скорбями подобает нам вѣннѣти в царство небесное»¹, так как жизнь человека наполнена страданиями, разочарованиями, слезами, муками. И так как человека оставляют даже самые близкие люди, друзья, то остается одна надежда — Бог. Но, несмотря на все беды, человек должен помнить библейского Иову и сохранять надежду на милость Создателя: «Темъ же подобаетъ и нам не скръбѣти безмерно о погублении и расхищении имений и треемых стяжаний, но ведящим съблюдаемое воздаание от праведного Судии трѣпящим доблевьствене с благым упованием всякыа скръби и обиды, благодарити длѣжны есмы в всех, и веледумьствовати, и ко обидящим не вражебне прилежати, но кротце, послушающим божественному апостолу Павлу... глаголющу: "Не побежай злом, но побежай злое бла-

¹ Грек М. Послание к Константину // Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. С. 202.

гым"»¹. Большинство же бед человека происходит от его собственного неповиновения Богу, от его приверженности первому и самому значительному греху — гордости, то есть от противопоставления себя Творцу, что и явилось причиной грехопадения первого человека и всего человечества впоследствии: «... первымъ грѣхомъ по справедливости можетъ признаваться именно гордость, которую первозданнаго возмогъ прельстить богомерзкій діаволь, вложивъ ему желаніе содѣлаться подобнымъ Богу: и будете, сказали онъ, яко бози»². И все страсти человека, которые есть страдания его, так как ведут неизбежно к мукам, и в первую очередь — души, и есть последствия гордости и уменьшения любви к Богу и ближним своим, а в том числе к самому себе. В «Послании неизвестному» Максим Грек предлагает ряд программ жизни человека, следование которым может избавить от страданий, страхов, и в первую очередь — от страха перед смертью (что само по себе свидетельствует о понимании человеком своей греховности). Но, что бы ни избрал каждый, общим является одно: «... пребывайте, плодоносяще Богу, яко же есть Ему угодно. И аще убо обычно и человеческое житие възлюбил, в том плодоносите Богу дела добра, сия же есть любовь, яже друг к другу, и правду, истину, страннолюбие, благодать еже к нищим, милость, и милосердие, и заступление сирот и вдовиць, и помощь обидимым. Аще такова добра дела плодоносите Богу, живот вечный всяко получите будете»³. Главная забота человека — его душа, так как именно она связывает мир дольний и горний: «Ты же, възлюблене, потщись създати дом души своя на неподвижном камени заповедей Бога твоего»⁴.

Максим Грек продолжил традиции, заложенные его предшественником и во многом учителем Нилом Сорским. Нил Сорский не только пропагандировал на Руси традиции

¹ Грек М. Послание к Константину. С. 204.

² Он же. О томъ, какой грѣхъ въ естествѣ челоувеческомъ есть первый // Сочинения преподобнаго Максима Грека. Свято-Троицкая лавра, 1910. С. 332.

³ Он же. Послание неизвестному // Буланин Д. М. Указ. соч. С. 209.

⁴ Там же. С. 211.

исихазма. Свое увлечение идеями исихазма он передал всему направлению, им основанному — нестяжательству.

Нил Сорский, приняв постриг, совершил паломничество на Афон, где провел долгое время. Там он проникся идеями Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита. Вернувшись на Русь, он организовал монастырь на реке Соре, который, наряду с Троице-Сергиевой лаврой, становится центром распространения исихазма. Нилу Сорскому принадлежит ряд сочинений с характерной ориентацией: «Предание ученикам», «Устав», «Малый устав», несколько посланий.

Соответственно учению исихазма, Нил во главу своих исследований ставил «умное делание», познание божественного. Опираясь на концепции Симеона Нового Богослова и Григория Синаита, он исследовал различные «мысленные брани», которые мучают душу, вводя в нее пороки и грехи. Причиной подобного являются «образы неции и начертания мира», то есть предметы и явления действительности. Благодаря чувствам они «объявляются» уму и преобразуются в простые идеи («помысл прост»). Эта первая ступень развития страсти обозначается понятием «прилог». Если ум не проникается им, не увлекается им — то сам по себе «прилог» безгрешен. Если же ум склоняется к «приятию помысла», тогда наступает вторая ступень — «сочетание», то есть соединение возникшей идеи с «произволением» человека, его волей. В данном случае необходимо осознать, что богоугодна только такая мысль, которая может быть направлена в сторону благих деяний. Любая другая мысль должна быть решительно отсечена, чтобы не возникло «сложение», то есть согласие души с тем, что «глаголет вражеский помысл», «съластное» ощущение. Следствием подобного является «пленение», и в конечном итоге утверждается «страсть» — высшая любовь и приятие земного мира, человеческих «мечтаний». Страсть выбирает и указывает человеку, как ему вести себя и что делать.

Чтобы избежать подобного, всякое дело следует начинать с «мудрования», с рассуждения, чтобы не поработилась душа ощущениями, а ум был очищен от «лукавых помыслов». Без этого губительно даже чтение церковных книг.

Разумение есть раскрытие богооткровенной тайны, благоразумение — умолчание о ней, признание ее непостижимой, слишком высокой и глобальной для человека. Благоразумие уравнивает ум, освобождая и очищая его от словесных форм. Оттого оно равнозначно молчаливости, исихии. Таким образом, Нил пытается дать своему мировоззрению логическое основание.

Ссылаясь на Исихия Иерусалимского, в своем «Уставе» Нил Сорский группирует «противоборства» страстями: 1) «прилог блюсти», то есть отсекал негативное на начальном этапе; 2) «сердце имети глубоче, молчаше от всякого помысла, и молитися», то есть необходимо стремиться к внутренней сосредоточенности духа, не допускающей внешнего воздействия; 3) «Господа Иисуса Христа на помощь призывать», то есть повторять определенные защитительные молитвы; 4) «память смертную имети», то есть размышления о быстротечности земного бытия не должны покидать познающего. К этому еще добавляются: «держати дыхание», «молчати», «воздыхати».

Человек должен воспитывать в себе добродетели: пост, целомудрие, нестяжательство, милосердие, веру, терпение, скромность, смирение. Цель жизни каждого человека — это не умерщвление плоти, а внутреннее, нравственное самосовершенствование, как, например, почва монашеских подвигов — не плоть монаха, а его мысль и сердце. Нил Сорский, вслед за Симеоном Новым Богословом, много писал о том, что современное христианство покинуло истинные свои цели, оно превратилось в нечто внешнее, а должно стать потребностью сердца и души. Как сообщается, «... все внимание преподобный Нил сосредотачивает на внутренней духовной жизни во Христе, на чисто духовном воспитании человека-христианина»¹. Очищение души и самосовершенствование через обращение к истинному христианству — вот призывы Нила Сорского.

Но учение не будет полным, человек не достигнет цельности своего существования, если внешний мир, государство не будут просвещены подобными же идеями. И как же это может произойти? У Нила Сорского прозвучала

¹ Троицкий патерик. М., 1991. С. 258.

мысль, которая была явно навеяна практикой исихазма: необходимо создать и воспитать свободную, независимую от государства, не связанную с хозяйственной деятельностью мыслящую личность и признать со стороны общества право на существование таких личностей, объединение их в братства.

У Нила Сорского было много последователей. Наиболее известные: Максим Грек, Гурий Тушин, Артемий Троицкий и даже еретики — Феодосий Косой и Матвей Башкин. И все они обращались к исихазму через своего учителя. Многие из последователей Нила оставили сочинения, в которых отразился процесс постепенной политизации учения исихазма, как это было и в Византии. Например, Вассиан Патрикеев в сочинениях «Собрание некоего старца», «Ответ кирилловских старцев», «Слово ответно», «Слово о еретиках», «Прение с Иосифом Волоцким» яростно призывает современников вспомнить о милости к падшим, к тем, кто живет в нужде и тягости. В произведениях Вассиана звучит осуждение несправедливости, царящей в действительности, и призывы к сильным мира сего исправить положение, не соответствующее идеям христианства и царству, которое своей целью объявляет осуществление воли Бога. Негативные проявления действительности плохи, так как мешают, отвлекают человека от созерцания и единения с Создателем.

Идеи Нила Сорского оказали влияние и на популярного публициста и философа своего времени, о котором мы уже упоминали,— Максима Грека, который как «пчела трудолюбивая собирал мед духовный со всех цветов афонских», где и познакомился с сочинениями исихастов, участвовал в их спорах. В организованном им в Москве своеобразном «философском кружке» и появляется Вассиан Патрикеев и вдохновляет Максима на обращение к идеям исихазма и нестяжательства. После осуждения своей деятельности и ссылки из Москвы Максим Грек возобновил популяризацию идей исихастских мыслителей и нестяжателей, организовал обсуждение их на философских беседах в Троице-Сергиевом монастыре, участие в которых принимали Иван Грозный, Андрей Курбский, настоятель Артемий и многие другие.

Критика действительности, которая мешает человеку освободиться от всего внешнего и сосредоточиться на внутреннем мире, идеях истинного христианства (а именно это и является смыслом существования человека), нашла отражение в послании Максима Грека Ивану Грозному — «Главы поучительны начальствующим правоверно». Максим пишет о том, что назначение государства — создать все условия человеку для совершенствования или, по крайней мере, сделать все возможное для развития самосознания любого человека.

Идеи исихазма отразились в творчестве и другого ученика Нила Сорского — Артемия Троицкого. В человеке Артемий выделил три начала: плотское («преестество»), душевное («естество»), духовное («вышестество»). Среди этих начал ведущим является духовное начало. Но большее внимание Артемий уделял процессу познания, ибо оно дает человеку возможность достигнуть самого большого счастья в мире и осознать себя как сотворенного по образу и подобию Творца, понять себя и встретиться с Богом. Эта сложность процесса познания делает его бесконечным. Ложным «мудрствованием» является стремление к самоутверждению ума как самоцели познания, вместо стремления к истине в очищенной и «бескорыстной» душе. Через «смирненную мудрость» человек, правильно осознавший цель познания, восходит к горней Премудрости, для чего необходимы сосредоточение духовных сил, очищение души и тела, нравственное самосовершенствование. Двигаясь по пути познания, человек приходит к осознанию «благости безмолвия» и необходимости удаления в уединение. Человек должен обратить взор свой в сердце свое и созерцать в нем Бога, создавшего его.

Влияние идей нестяжательства и исихазма проникло в различные сферы сознания Московской Руси: в философию, богословие, искусство (например, иконопись Андрея Рублева и Феофана Грека), даже в практическое преобразование природы и в само ее восприятие в Московской Руси. Если в Киевской Руси считалось возможным преобразовать природу, придать ей смысл христианских идей, то в Московской Руси понимание мира, окружающего человека, принципиально иное. Сергей Радонежский, Нил Сорский

и их ученики не предлагают «христианизацию» природы, а наоборот. Мир «дикий» природы, природы, которой не коснулась рука человека и, следовательно, не исказила,— это мир святости. Уход из мира людей — это прежде всего уход от греха в богоустановленный порядок не испорченной грехом природы. Для русских аскетов этого времени особое значение приобрел сам выбор местности для иноческого подвига. И раз мир человека утрачивает свою стабильность и святость, отвлекает от самосовершенствования, не дает возможности безмолвия, следовательно, именно природа вне человека должна помогать монаху сосредоточиться на «умном делании». Этим объясняется массовое движение монастырей на север.

Иосиф Волоцкий — вторая сторона спора. Своей задачей он считал социальное служение, что нашло точную характеристику Иосифа в его житии: «знаменитый ревнитель и труженик православия», он постоянно работает (причем всегда определяет общественную значимость своих трудов). Он был властным проповедником строгого общежития настолько, что при чтении описания устроенной им жизни монастыря удивляешься, как вообще люди могли жить в таких условиях: «Все время было посвящено или молитве, или трудам телесным. Пища была самая простая; все носили худые одежды... терпели зной и холод с благодушием; не было между ними смеха и праздности, но видны были постоянные слезы сокрушения сердечного. В кельях своих братия ничего не имели, кроме икон, книг Божественных и худых риз... Кроме обыкновенного правила монашеского, иной полагал еще по тысячи, другой по две и по три тысячи поклонов в день. Для большего самоумерщвления иной носил железную броню, другой — тяжелые вериги, третий — острую власяницу»¹.

Подобные установки требовали собранности воли. Отсюда мерность, нарочитая чинность, уставность. Идеал Иосифа — хождение в народ, конечно же, в духе своего времени. Иосиф саму монашескую жизнь переживал как некое социальное задание, как своего рода религиозно-земскую службу. Неправильно было бы сказать, что внешний

¹ Троицкий патерик... С. 14—15.

устав заслоняет у него внутреннее делание, но сама молитва изнутри подчиняется социальному служению, делу справедливости и милосердия. Он был великим благотворителем, «немогущим сострадателем», как писал современник, и монастырские села защищал из этих филантропических побуждений. Например, защищая монастырские владения, Иосиф говорил, что они дают возможность власти быть благотворительной, поддерживать в трудные годы нуждающихся подданных. Ведь если бы, к примеру, человек не мог отдать свое имущество, то это бы уменьшило возможность личной благотворительности. Эту же мысль Иосиф развивал и до более значимого: «Если имеет силу молитва одного человека, тем более она имеет силу, когда возносится в собрании верующих... Когда души наши совокупятся в молитве: она будет сильна и пламенна. Можно молиться дома, но нельзя так молиться, как в церкви, где возносится единодушно пение, где единомыслие, согласие, союз любви. Здесь возносятся молитвы священников. Для того и предстоят священники, чтобы немощные молитвы народа, придерживаясь за их более сильные, взошли вместе с ними на небо»¹. Этот фрагмент показателен и описанием того, как становилось актуальным понятие обряда в Московской Руси.

В самом замысле Иосифа кроется опасность искажения, что и было вскрыто его последователями, «эта опасность — перенапряженность социального внимания»².

В своем произведении «Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих» Иосиф Волоцкий отразил понимание человека, когда главная цель существования — любовь к Богу, невзирая ни на жизнь, ни на смерть, ни на грядущее, ни на настоящее. У человека должны быть сформированы представления, что жизнь — это труд, вера, любовь к ближнему, долг. Его сочинение переполнено подобными рассуждениями: «Помни, что ты человек... немощный и подверженный страстям. Помни, что многих добрых и злых, умных и неумных, богатых и бедных... Вспомни, что день и ночь борешься ты со грехом, как со львом... Что в этом

¹ Троицкий патерик... С. 14—15.

² Там же. С. 23.

мире — не ложь? Все полно болезни и страха. Рождение наше — со страстями и смерть страшна... Все пути наши — печальны. Плоть наша — неумирима. Здоровая воюет, немощная печалит нас... кто в этой жизни прожил без скорби? Кто не стонал? Сколько обманутых жизнью!»¹. Но подобные мысли не должны приводить в отчаяние, они должны пробуждать жажду деятельности и служения людям. И все самые сумрачные рассуждения о конце света, Суде Бога для Иосифа не являются устрашающими, а наоборот — показывают то положительное, что Бог дал человеку, а именно: свободно определять направления своей деятельности, выполнять поставленные задачи и испытывать от этого радость.

В рассуждениях Иосифа Волоцкого звучат слова константинопольского патриарха Афанасия I, который, столкнувшись с фактами удаления общества от истин христианства (он был патриархом в 1289—1293 гг., 1303—1309 гг.), предложил провести кардинальные реформы общественной реальности и сознания. Он писал императору, жителям города Константинополя, другим адресатам, постоянно выступал с проповедями, ссылаясь на Священное Писание и Отцов Церкви. Он обращался с проповедью покаяния не только к прихожанам, но и к духовенству, ибо пороки коснулись всех, следовательно, все и должны очиститься через покаяние и принятие в сердца свои истинного Христа. Афанасий призывал священников обратить внимание на семью, так как именно она показывает пример будущему поколению.

Иосифу Волоцкому была близка идея Афанасия I, что «вера без дел мертва», следовательно, изменение этических норм должно сопровождаться реальными поступками. Но перемены не должны касаться лишь отдельных личностей, у Афанасия речь идет о всех гражданах Византии. Для этого он предлагает проведение публичных шествий-покаяний во главе с императором, организацию массовых праздников. Эти и ряд других мероприятий должны были показать, что консолидация общества возможна на религиозной основе. И именно исполнение долга и обязанностей,

¹ Троицкий патерик.... С. 21—22.

подчинение заповедям является залогом спасения отдельной личности и всего общества.

Иосиф в своей деятельности и сочинениях достаточно много ссыался на пример Иоанна Златоуста и Симеона Столпника, но понимание их у Иосифа неоднозначно. Да, Иоанн Златоуст считал, что назначение подвижника — вести борьбу с пороками общества, и борьбу активную, обличая сильных мира сего, нарушение заповедей христианства. Иосиф Волоцкий также считал основным для себя социальное служение, но у него так ярка обличительная тематика, он более склонен к трансформации ее в тему Царства, правильное устройство которого решит и общественные проблемы. Что же касается Симеона Столпника, то он продемонстрировал понимание и попытку осуществления его опыта в русских реалиях. Симеон Столпник и Иосиф Волоцкий воспринимали аскетический уход в себя и социальную этику как единые принципы. Разве Симеон Столпник не мастер социальной аскезы, разве он не стоит по ту сторону всех дел мирских, поднявшись от них на высоту своего столба? Но в «Житии» говорится, что Симеону Столпнику является пророк Илия и велит быть сильным, твердым и мужественным, не страшиться людей, заботиться о бедных и угнетенных, к нему приходящих, гнать прочь богатых. Таков парадокс отшельничества — к подножию столпа Симеона изо дня в день собираются такие толпы паломников, что жилище Симеона выглядит не столько местом уединения, сколько высокой проповеднической кафедрой. Речи, которые Симеон ведет стоя на своем столпе, вполне соответствуют указаниям Илии. Симеон не просто «гонит» чиновников и сильных мира сего, опираясь на необычайный авторитет, он посылает им властные распоряжения и вмешивается в финансовые дела. Всем уверовавшим богачам Симеон Столпник приказывает отпускать на волю своих рабов. И все это — не спускаясь со всего столпа.

Иосиф Волоцкий во многом повторяет действия Симеона Столпника, но главное — пытается перенести на русскую почву именно саму идею социального служения, укрепления воли. При этом личностный аспект сознательно отодвигается на второй план. В критической литературе Иосифа часто изображают ретроградом, для которого обряд,

порядок и устав заменили собой истинное христианство. Но это не выдерживает проверки историческими фактами, в Иосифе нет жестокости и насилия в их средневековом понимании. Как характеризовали его современники, он был «грозен», «крут», но он же кормил огромное количество людей в голодные годы (перечень его благотворительных дел может быть продолжен). Но как бы мы ни интерпретировали сочинения Иосифа Волоцкого, его личность и образ, он внес свою лепту в распространение и популяризацию идеи обряда, понимаемого им как наилучшее средство приближения и познания Бога.

Нестяжатели и иосифляне — пример того, как, исходя из общего основания, можно прийти к разным выводам.

Один из ведущих вопросов спора — вопрос о мире. Нестяжатели и само движение было не просто отражением, а живым и органическим продолжением того духовного и созерцательного направления, которое охватило весь греческий мир с начала XIV в. Нестяжательство в основе своей содержит стремление к преодолению всякого «миролюбия». Нестяжание и есть путь из мира, правда нестяжателей — правда созерцания, правда «умного делания». Сразу же нужно отметить: это было не только преодоление мирских пристрастий, но и забвение мира в его нуждах, это было не только отречение от мира, но и отрицание его (что, кстати говоря, является одной из причин победы иосифлян, которые остались в мире, в отличие от нестяжателей). Если нестяжатели и обращаются к миру, то не для того, чтобы строить, а лишь для спора, борьбы с обмирщением самой церковной жизни, для напоминания и наставления на монашеском исходе. Часто этим настроением и можно объяснить рассуждения нестяжателей против приобретения земель, ведь тогда они оказались бы связанными с миром, от которого хотели бы удалиться. В своем послании против иосифлян под названием «Стяжание о известном иноческом жителстве, лица же стяжающих — Филоктимон и Акимон, сиречь любостяжательный и нестяжательный» Максим Грек писал, что нужно лишь иметь возможность сосредоточиться на Божественном, ему необходимо самоограничение аскетическое, чтобы приблизиться к Богу, и ничто не должно отвлекать его от этого. Только тогда, когда человек

освободится от пут, его обременяющих, он сможет развивать в себе добродетели (мужество, целомудрие, надежду и любовь). И если нестяжатели выступали против жестких монастырских уставов Иосифа Волоцкого, то это означало только одно — если они и остаются равнодушными к внешней дисциплине и послушанию, то тем более приобретает значение послушание внутреннее, с полным отказом от «самоволия», что и является само по себе основной заповедью аскета.

Разногласия между нестяжателями и иосифлянами можно свести к противопоставлению: завоевание мира на путях внешней работы в нем (иосифляне) и преодоление мира через воспитание нового человека, через становление новой личности (нестяжатели).

От вопроса о мире дискуссия переходила к вопросу, всегда волновавшему отечественных мыслителей, — к вопросу о России, ее историческом пути и предназначении.

Концепция «Москва — Третий Рим» для Московской Руси оформлена не в одном конкретном произведении, а в целом комплексе, отразившем все традиции, влияние которых Русь когда-либо испытывала. К этой концепции вели все дискуссии, проходившие в различных направлениях мысли Московской Руси. Она создавалась несколько столетий и уходит корнями в Киевскую Русь (учение «Киев — Третий Иерусалим», идея «Святой Руси»).

Тема истории, которая пронизывает все русское средневековье, всегда была связана с вопросом о государстве, так же как и понимание смысла и назначения государства в русской мысли — это всегда прочувствованное отношение к истории, к осмысленной динамике времени и неотделимости ее от мистики государства — земной реализации небесного царства.

Развитие учения «Москва — Третий Рим» просматривается в споре нестяжателей и иосифлян, в их дискуссиях о еретиках. Иосифу Волоцкому принадлежит «Слово об осуждении еретиков», в котором он утверждает, что известная речь из Священного Писания — «не судите, да не судимы будете» (Матф., VII, 1) не говорит о противниках веры. Если обратиться к Библии, Отцам Церкви, то мы можем прочесть, например, у Иоанна Златоуста, что не стоит преследовать

еретиков до определенного времени, то есть пока они не начнут совращать души праведных. А как только «мы видим, что неверные и еретики хотят обольстить православных, тогда следует не только ненавидеть их или осуждать, но и предавать проклятью, наносить им раны и тем самым освящать свои руки»¹. Но из примеров, приводимых Иосифом Волоцким, складывается ясная картина: рано или поздно еретики начинают действовать. Вредительство — неизбежно, следовательно, изначально необходимо быть настороже. Но самое главное — то, что следует за этими рассуждениями: кто же должен наказывать еретиков? И Иосиф Волоцкий вспоминает слова Иоанна Златоуста: «Если бы мы убивали еретиков, нескончаемая война была бы во всем мире»². Иосиф относит подобные утверждения к священнослужителям. Следовательно, выяснять отношения с еретиками — дело светских властей. Ведь князья и судьи должны принять от Бога власть (как сказано в Священном Писании (I Петр., II, 13—17; Рим., XIII, 3—4)), которая даст право наказывать преступников и поощрять добродетельных. Иосиф писал, что царь несет ответственность за все грехи своих подданных. Поэтому цари и властители должны быть отмстителями еретикам за грехи душ, совращенных ими с пути истинного, и имеют на это полное и законное право.

Иосиф также ссылается на Григория Арагинского и наставляет: «Человеколюбиво дан людям свыше великий Божий Дар — священство и царство: одно служит Божескому, другое, владычествуя, заботится о человеческом. Тот, кто принял по высшему повелению управление родом человеческим, должен не только заботиться о собственных делах и распоряжаться собственной жизнью, но и всех, находящихся в его власти, защитить от волнений и греховнейшего возмущения, которым лукавый дух затопляет нас повсюду и возмущает смирение тела»³. Иосиф, ссылаясь на авторитет заповедей Бога, которые считаются и гражданскими законами, пишет, что наказание еретиков и вероотступников смертью является необходимым и даже обяза-

¹ *Волоцкий И.* Слово об осуждении еретиков. СПб., 1997. С. 2.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 4—5.

тельным, и не только их, но и тех, кто не сообщил о них; еретиками становятся и те, кто против наказания, в связи с чем Иосиф ссылается на Афанасия Великого. Иосиф цитирует показательный фрагмент из Иоанна Златоуста: «То, что бывает по воле Бога, хоть и покажется злым, добрее всего. А то, что против воли Бога и не угодно Ему, хоть и хорошим покажется, всего хуже и преступней. Если убьет кто по воле Бога, убийство это лучше всякого человеколюбия. Если и помилует кто из человеколюбия вопреки тому, что угодно Богу,— недостойнее всякого убийства будет это помилование. Не природа вещей, но Божий Суд делает их добрыми или дурными»¹.

Но, несмотря на подобные рассуждения, Иосиф говорит о том, что существует и наказание у религиозной власти, но так как оно сильнее, то применяется значительно реже светской. Иосиф пишет, что предать смерти молитвой еще более верно, чем оружием, это еще более страшно, так как Бог смотрит в сердце. Отсюда следует вывод: религиозная власть осуждает и проклинает еретиков и вероотступников, светская — наказывает. И хотя подобные рассуждения звучали относительно еретиков, смысл проблемы переносился вообще на вопрос о преступлении и наказании.

Но власть сможет соответствовать установленным требованиям в том случае, если само пространство ее существования будет освящено, ибо государство — территория распространения святых идеалов, где столица является местом, из которого исходит это освящение. В этом случае власть — абсолютна.

Спор иосифлян и нестяжателей привлекал внимание исследователей в связи с различными вопросами отечественной философии, что сформировало определенный стереотип восприятия главных действующих лиц, особенно Иосифа Волоцкого. Но если быть точными, то спор иосифлян и нестяжателей — есть не столкновение противоположных мировоззрений. Это есть столкновение двух правд, изначальное понимание которых было усложнено последователями обеих сторон, как точно отмечал Г. Флоровский. Правда Нила Сорского — правда личного совершенствования,

¹ *Волоцкий И. Слово об осуждении еретиков. С. 7.*

по отношению к которому государство вторично. Правда Иосифа Волоцкого — правда личного совершенствования, которое в принципе невозможно, ни теоретически, ни практически, без государства, и которое осуществляется только через государство. И тот и другой сходились в одном: цель жизни человеческой — внутреннее совершенствование, движение к Богу. Но первое направление считало эту задачу индивидуальной, а второе — не могло понять, как можно стать совершенным в несовершенном мире, ведь мир и человек едины. И возможно, именно поэтому победа иосифлян была predetermined.

Научное издание

ЛОГИКА ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПРАВА

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Екатеринбург, 24 — 25 декабря 2001 г.

Выпускающий редактор *Ф. А. Еремеев*
Редактор *О. А. Виноградова*
Верстка *Н. П. Сорокиной*
Оформление обложки *В. И. Реутова*

ИД № 05974 от 03.10.01.
Подписано в печать 00.05.02. Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Уч.-изд. л. 20,2.
Тираж 300 экз. Заказ 1088.

Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ».
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.